УДК 821.512.145, 161
ББК 83.3(2Рос.Тат) +
83.3(5Тул)

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В ТАТАРСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ В КОНТЕКСТЕ «ВОСТОК–ЗАПАД» НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

© 2017 г. А.Т. Сибгатуллина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 17 апреля 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-244-263

Аннотация: В статье анализируются поиски национальной и конфессиональной идентичности татарских и турецких писателей на рубеже XIX–XX вв., выявляются сходства и различия в их понимании вестернизации и модернизации. Вопрос о совместимости мусульманского Востока с христианским Западом стал острой проблемой для уммы, осознавшей потребность в прогрессивных изменениях общества. Татарская и турецкая литературы открыто критиковали однобокость и увлечение внешними признаками вестернизации, заимствование европейского образа жизни стали называть *альяфранга*, который противопоставлялся традиционному образу жизни *алытурка*. В литературе это противостояние отражалось в конфликте «старого» и «нового» поколений. Описывая достижения западной культуры, писатели вынуждены были учитывать реалии, мораль и ценности своего общества, роль религии и традиций, правил поведения и обязательств мужчин и женщин в повседневной жизни. Поэтому авторы романов и рассказов создавали образы, события и пространства с учетом этики и ценностей своего общества, где отношения между мужчинами и женщинами имели разительный формат, чем на Западе. Половинчатость процесса модернизации и частичная «европеизация» мусульманского общества породили особый тип людей, которые оказались между двух огней: между восточными и западными культурными ценностями, а в итоге не стали ни европейцами, ни азиатами.

Ключевые слова: идентичность, татарская литература, турецкая литература, Восток, Запад, альяфранга, алытурка.

Информация об авторе: Альфина Тагировна Сибгатуллина — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: alfinaz003@yandex.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

SEARCH FOR IDENTITY IN THE TATAR AND TURKISH LITERATURE IN THE “EAST–WEST” CONTEXT AT THE TURN OF THE 19TH and 20TH CENTURIES

© 2017. A.T. Sibgatullina

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: April 17, 2017.

Date of publication: June 25, 2017

Abstract: This article analyzes the search for the national and confessional identity of Tatar and Turkish writers at the turn of the 19th and 20th centuries and identifies similarities and differences in their understanding of Westernization and modernization. The compatibility of the Muslim East with the Christian West became an acute problem for the *umma* that realized the need for progressive changes in the society. Tatar and Turkish literature openly criticized one-sidedness and infatuation with external signs of Westernization and borrowing of the European way of life that was called *lafranga*, which was opposed to the traditional way of life *laturca*. In literature, this confrontation was reflected in the conflict between the “old” and the “new” generations. Describing the achievements of the Western culture, writers had to take into account the realities, morals and values of their society, the role of religion and traditions, the ethics and obligations of men and women in everyday life. Therefore, the authors of novels and stories created images, events and spaces that reflected the ethics and values of their society, where relations between men and women had a very different format than in the West. Incompleteness of modernization process and only partial “Europeanisation” of the Muslim society gave rise to a special type of people who found themselves between two fires — between the Eastern and Western cultural values — and who eventually became neither a European nor an Asian.

Keywords: identity, Tatar literature, Turkish literature, East, West, *lafranga*, *laturca*.

Information about the author: Alfina T. Sibgatullina, DSc in Philology, Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: alfinazoo3@yandex.ru

Рубеж XIX–XX вв. — исторический период, который притягивает особое внимание исследователей невероятным многообразием событий в разных сферах жизни общества. Эпоха революций и войн, общественно-политических потрясений расценивается многими и как эпоха расцвета и творческого подъема в области культуры, литературы, искусства. Для тюркоязычных литератур данный период стал также временем духовных и творческих исканий, которые развивались прежде всего в рамках выработки национальной идеологии и новых общественно-нравственных идеалов. Со второй половины XIX в. среди тюркских народов Российской империи и Османской Турции усилились чувства родства и взаимной поддержки, которые зиждились на двух столпах: мусульманской и тюркской идентичности. Исламская идентификация тюрков в виде «мусульманской нации» в целом стала основополагающей в контексте диалога «Восток–Запад», активизировавшегося в рассматриваемый нами период. Факт отставания мусульманского Востока от христианского Запада во многих сферах жизни общества был признан уже и самой уммой. Среди интеллектуалов двух империй выдвигались различные причины этой ущербности и шли поиски путей выхода из сложившейся ситуации. Данный процесс совпал с глобальной «эпохой пробуждения Азии», с периодом, когда во многих мусульманских странах предпринимались попытки модернизировать общество под девизом «вестернизации» с одновременным сохранением традиционной самобытности восточного общества. Происходящие в мусульманском мире реформы можно было отчетливо наблюдать на примере Османской империи, которая в

течение четырех веков испытывала такую уверенность в своем «мировом господстве» и «непобедимости турок», что не заметила, как за это время Запад прорвался вперед. Застой начался как минимум с XVI в., но по инерции и незаметно протянулся до XIX столетия. Под влиянием Французской революции и в результате частичной потери завоеванных территорий империи тревога за судьбу страны, смятение в мыслях образованной османской элиты привели к демократическим преобразованиям под названием Танзимат (1839). Официально был задан курс на модернизацию общества, которая шла параллельно с вестернизацией. Характер отношений с европейцами стал более глубоким и содержательным, турки стали активно интересоваться западной, в частности французской, культурой и литературой. Прогрессивно направленная турецкая литература стала проводником реформ и новых веяний, занялась поиском новых идеалов. Чрезвычайно остро стояла проблема с самоопределением, поскольку трансформация прежних идентификационных основ как «османская нация», «мусульманская нация» шла параллельно с поиском и выстраиванием новой идентичности. Это привело к плюрализму и разбросу мысли в философском поле общества, интеллектуалы разбрелись по направлениям *исламизм, османизм, туркизм, туранизм, неосманизм*. Писатели исламистского крыла, хотя и не ощущали острой неприязни к проектам модернизации, осуществляемым дворцовой бюрократией, т. е. не имели проблем с пониманием необходимости внедрять новшества, все же крепко стояли на защите мусульманских принципов устройства общества. Да и для сторонников других течений так же нелегко было разобраться как в недостатках османского общества, так и в новых ценностях, предлагаемых христианским Западом. По существу вопрос о совместимости ислама с европейской цивилизацией был остройшей проблемой для турок. Поэтому указанные течения в османском обществе порождали порой мнения кардинально противоположные друг другу: сторонники Запада считали необходимым включать в османское общество лучшие достижения европейской мысли, а традиционалисты оказывали предпочтение всему, что было создано на турецкой почве, опасаясь негативных последствий европейского влияния на нравственный облик общества. Постепенно второй лагерь терял свои позиции, уступая задиристой мощи Европы. В целом в турецком обществе процесс вестернизации, имея воздействие преимущественно на элиту, был длительным и нелегким, а порой

и однобоким. Эта однобокость отражалась прежде всего во внешнем подражании всему европейскому: в одежде и прическах, предметах обихода, в создании увеселительных заведений, устройстве праздников и балов, в открытых гуляниях мужчин и женщин в парках и садах, катаниях на экипажах или лодках, стилю в архитектуре и искусстве. Заимствование турками образа жизни западной цивилизации стали называть *альяфранга*, который противопоставлялся традиционному образу жизни осман *альятурка*. В литературе это противостояние отражалось в конфликте «старого» и «нового» поколений: первые осуждали «экстремально прогрессивных» молодых людей как «снобов», те же презирали их за «старомодность». По существу оба лагеря занимались подражательством: одни имитировали прогрессивность, другие — патриархальность и верность традициям отцов. Эта двойственность продолжалась вплоть до краха империи.

Модернистские тенденции отчетливо проявились в творчестве Ахмеда Мидхата (1844–1912), который неустанно трудился и был чрезвычайно плодovit (более двухсот произведений!), не зря назвали его «пишущей машинкой». Эрудированный писатель, никогда не видевший Америку, посвятил несколько романов «американской» теме, не бывал на Кавказе, но «кавказская» тема стала наиболее излюбленной и родной (поскольку корни оттуда), роман «Турок в Париже» был написан до посещения Франции и удивил многих французов точными деталями об их городе. А. Мидхат писал добротнo, добиваясь своим творчеством как минимум двух социальных целей — поучительной и познавательной: через романы и повести с дидактическим уклоном пытался давать читателям информацию из той или другой области науки, при том, что широта тем и интересов писателя не знали границ: технология, естественные науки, градостроительство, тяжелая промышленность, экономика, этнография, история, юриспруденция, культура, кулинария, музыка и т. д. Все это он подавал в художественно оформленном виде, в рамках приключенческого сюжета. Легкий слог и быстрое перо, неленивый характер и педантичность автора (он обожал детально описывать каждую вещь и каждое явление, каждого героя и каждое событие) позволили ему донести до читателя то, каким образом современный Запад достиг высот во всех сферах жизни. Тем не менее у писателя не было идеализации всего европейского, восхищения Западом, и вообще он выказывал критичность в выборе симпатий, особенно в вопросе усвоения османским

обществом различных европейских традиций. С каждым произведением происходила эволюция во взглядах и самого писателя: от первичного отрицания «восточности» в пользу Запада до полного принятия и симпатии оригинальности Востока. Единой идеей всего творчества А. Мидхата стало создание идеальных героев, которые живо интересуются идеями западной науки, но при этом в человеческих отношениях и своим поведением не переходят моральные границы родной мусульманской культуры. Тип «нового человека» в произведениях Мидхата представлен всесторонне, многопланово и в разных ситуациях, однако главным его вкладом в процесс выработки новой «мусульманской османско-турецкой» идентичности, на наш взгляд, является незаметный призыв к проявлению *интереса* ко всему новому и глубокому анализу этого новшества. Личность самого автора — любознательного и неутомимо ищущего, постоянно думающего и эволюционирующего человека — стала образцом нового типа османской интеллигенции. А. Мидхат заложил основы новой турецкой литературы и воспитал целое поколение ярких писателей, таких как Реджаизаде Махмут Экрем (1847–1914), Хусейн Рахми Гюрпынар (1864–1944), Ахмет Расим (1864–1932), Халиде Эдиб Адывар (1882–1964) и др.

Если в турецкой литературе модернизация проецировалась через французский язык и французскую литературу, то в татарской литературе это происходило через влияние русской культуры и русского языка. Татарские интеллектуалы XIX в. в целом не знали европейских языков и не выезжали в Европу, тогда как часть турецких писателей, благодаря географической близости страны к Европе, получала образование в иностранных колледжах в Стамбуле или непосредственно за рубежом, имела возможность подолгу находиться в европейских странах. Из татарских писателей лишь полиглот Фатих Карими (1870–1937) сумел осуществить тур по европейским странам и, посетив известные музеи и культурные центры, издал книгу «Путешествие в Европу» (1902), которая для татар стала своего рода «окном в Европу». Немногим представителям татар после окончания местных медресе посчастливилось продолжить образование за рубежом, но это были учебные заведения «восточного типа» — в Стамбуле, Каире, Бейруте. Вершиной светского образования для новой татарской интеллигенции стала Казанская татарская учительская школа, открытая в 1876 г. и призванная по планам российского правительства осуществить русификатор-

скую политику, подготовить из среды инородцев учителей русского языка. Однако из этого совершенно нового культурно-образовательного центра вышли истинные татарские интеллигенты с широким кругозором и эрудицией, как, например, основатель новой реалистической прозы Гаяз Исхаки (1878–1954).

Безусловно, интерес к модернизму является результатом как внутреннего, так и внешнего импульсов. Если внутренний импульс был обусловлен ощущением застоя и естественной потребностью реформ татарского общества, то внешний импульс должен был исходить из российской и западной культуры, однако такой импульс был очень слабым. Боязнь изучения русского языка среди татар доходила до психологического комплекса, абсурдное мнение о том, что якобы человек, выучивший русский язык, обязательно становится христианином, было привито в сознание народа веками и давало о себе знать среди непросвещенных татар даже в условиях города начала XX в. Просветитель-энциклопедист Каюм Насыри (1825–1902) с горечью писал о собственных мытарствах, когда в Казани он пытался организовать курсы изучения русского языка среди мусульманских детей. «Зорких» родителей пугало каждое слово, связанное с религией, любое новшество. Когда инспектор из Министерства образования В. Радлов однажды пришел в класс собрать сведения о социальном положении учащихся, прозвучало слово «крестьянин», которое послышалось для напуганных детей «христианином», и они перестали ходить на курсы. В другой раз с самыми благими намерениями тот же В. Радлов привез из Германии картины и хотел, чтобы татары изучали язык, используя наглядность, но как только появились картины в классе, на второй день никто из родителей не отпустил своего ребенка на курсы, считая, что К. Насыри нарушил запрет ислама на изображение живых существ.

Ближе к концу XIX в. в татарской литературе появились европейские жанры: первые романы «Тысячи или красавица Хадича» (1887) и «Большие грехи» (1890) З. Бигиева (1870–1902), первая повесть «Хисаметдин менла» (1886) М. Акъегета (1864–1923). При этом симптоматичным является происхождение авторов: З. Бигиев — из Ростова-на-Дону, М. Акъегет — из Пензенской губернии, т. е. эти писатели вышли из тех регионов Российской империи, где татары жили в тесном соприкосновении с русской культурой. Романы З. Бигиева стали первыми татарскими детективами, а главный ге-

рой повести М. Акъегета представлял собой заимствовавшего идею русских демократов организатора народничества среди татар. Писателю–выходцу из традиционного татарского села и местного медресе эти сферы казались чрезвычайно далекими и недоступными, именно этим можно объяснить узость проблем и идей, продолжение «средневековости» в прозе XIX в.

Лишенные возможности читать романы и повести русских и европейских авторов, татары на рубеже веков могли ознакомиться с образцами «европеизированной» литературы, вернее, литературы с небольшим европейским «дуновением», в целом опосредованно, т. е. через турецкую литературу. Это были произведения Намыка Кемаля (1840–1888) и Ахмеда Мидхата, которые привозились в Поволжье паломниками, шакирдами или книготорговцами. Особенно полюбился последний. Именно умеренность во взглядах А. Мидхата по отношению к Западу вызывала, видимо, симпатию татарских читателей. Кроме того, ряд татарских интеллигентов (Р. Фахретдин, Ф. Карими, М.-В. Наурузов и др.) был лично знаком с писателем, отчасти этим можно объяснить присутствие его переводов на страницах татарских газет и журналов. Известно, что первые драматические произведения на татарском языке «Бедная девушка» (1887) Г. Ильяси (1856–1895), «Несчастный юноша» (1900) Г. Камала (1878–1933) были написаны под влиянием пьесы Н. Кемаля «Бедное дитя» (1873). Риза Фахретдин (1858–1936), воодушевившись романами А. Мидхата, написал повести «Селима, или целомудрие» (1899), «Эсма или деяние и наказание» (1902), в которых так же, как и турецкий автор, в ткань вымышленного сюжета в полной мере вносил объемный научный материал о происхождении и истории татар, о мусульманской этике с целью «просветить» своего читателя.

Анализируя все компоненты западничества, пришедшие в Османскую империю, А. Мидхат особо выделял из них те, которые были опасны для тюрко-мусульманской общины, например неуважительные отношения в семье, проблема свободной любви и т. д. А. Мидхат подчеркивал, что западная цивилизация, хоть стоит выше восточной по материальному благосостоянию, продуцирует духовную нищету. Его роман «Эфлатун-бей и Ракым-эфенди» (1876) критикует полуинтеллигентов, которые обожают западную культуру и отказываются от национальных корней и собственного «я». Наряду с положительными мотивами, такими как просвещение молодежи, освобождение женщин от патриархальных устоев,

даже в указанных выше примитивных зачатках татарской драматургии отрицались элементы, сообщающие о проникновении в татарское общество отрицательных европейских нравов — пьянства, нарушения семейных традиций, проституции и т. д. В турецкой литературе эти проблемы уже давно занимали центральное место, поскольку само общество пожинало плоды излишней «свободы» и нигилизма османской молодежи, находящейся под влиянием «ложной» западной культуры. Как верно заметил А.В. Витол, турки «стремились больше походить на европейцев, чем стать ими» [1], *альяфранга* как социально-психологический феномен на протяжении продолжительного времени была только модой, хотя и отражала реальную потребность общества в усвоении европейской материальной и духовной культуры. Поэтому турецкая литература в целом расценивала это увлечение как ошибочное представление общества о вестернизации и подвергала критике. Тип героя в стиле альяфранга тщательно разработан и представлен во всей красе и деталях в романах и рассказах А. Мидхата, Х.Р. Гюрпынара, Я.К. Караосманоглу (1889–1974) и др. Хусейн Рахми Гюрпынар в предисловии к своему роману «Шыпсевди», который первоначально был назван «Альяфранга» (1908), указал три разновидности данного типа, стремившегося любой ценой стать «европейцем»: 1) выходец из благополучной и богатой семьи, который еще в детстве выучил французский язык, по службе находился в Европе, расширил свой кругозор и перенял европейские манеры поведения; 2) «полулевантель», который женился на европейской женщине и живет в районе Бейоглу Стамбула, где обитала богема; 3) обыкновенный сноб, который праздно шатается по Бейоглу и своим «чрезвычайно модным» внешним видом привлекает внимание.

«Свободные» отношения между женщинами и мужчинами стали объектом внимания многих писателей эпохи Танзимат. При анализе романов и повестей этого периода бросается в глаза то, как турецкие прозаики, в отличие от западных писателей, должны были учитывать реалии, мораль и ценности своего общества, роль религии и традиций, правил поведения и обязательств мужчин и женщин в повседневной жизни. Придерживаясь этих требований, прозаики не могли слепо следовать аналогам в западной литературе, ибо отношения между мужчинами и женщинами в османском обществе имели совершенно другой формат, чем на Западе. Например, для турецких писателей было ограничено пространство для изображения

встреч своих героинь с мужчинами, поскольку женщины имели право находиться лишь в определенных местах. Ахмед Мидхат в рассказе «Смутьян» (Bir Fitnekar) реалистично описывает историю молодой девушки Мунаввар, отец которой считает замужество своей дочери по любви как позор, как случай покушения на **его** честь. Особенно когда темой романа становилась тема любви, писатель эпохи Танзимат сталкивался с немалыми сложностями вынужденный искать разные варианты создания «любовных историй», однако возможностей, чтобы герои могли увидеть друг друга и влюбиться, было совсем немного. По сути всего три: 1) связующим звеном между влюбленными становился третий человек: служанка, мальчик на побегушках, сваха и т. п.; 2) героиню автор выбирал из среды иностранок или немусульманок; 3) молодые люди, считавшие себя продвинутой частью элиты, пренебрегая традициями, свободно и прилюдно встречались и становились объектом клеветы, домыслов и критики, тем самым подвергались душевным страданиям, что зачастую приводило к «падению» девушки. Наиболее удобной и реалистичной формой проявления «свободных» отношений писатели считали любовь между мусульманским мужчиной и женщиной-немусульманкой в многонациональной Османской империи.

В турецкой литературе искаженное восприятие западной культуры и чуждых традиций ярче всего проявилось в романах Х.Р. Гюрпынара «Шик или Зеркало» и «Шыпсевди». Они стоят особняком в массе произведений с типом *альяфранга*, поскольку в них бездумное подражание европейцам и отказ от национальных ценностей доводятся до абсурда. С помощью сатирических и фарсовых приемов (чрезмерное увлечение героя своей внешностью, приобретение типичных «европейских» аксессуаров, наличие «домашней» собаки и «подруги»-француженки, неуместные иностранные выражения в речи и т. д.) автор высмеивает тех людей, чья одержимость идеей европеизации и ошибочное представление о хорошем тоне, «вкусе» и высокой культуре противоречит элементарным правилам поведения в обществе. В этих романах слепое стремление к европеизации вопреки здравому смыслу и без учета национальной самобытности приводило к плачевным результатам или позору. По своим комическим приемам романы Гюрпынара созвучны с комедией татарского писателя Г. Исхаки «Жан Баевич», направленной на разоблачение национального нигилизма, ложного восприятия понятий «образованный», «культурный», «прогрессивный». Переехавший из дерев-

ни в Казань торговец Шакирджан, сын Минлибая, «переживает» по поводу отсутствия у себя аристократичности и просвещенности: деньги есть, а уважения в высшем обществе якобы нет. Желая добиться всего этого за один день и избавиться от своего «татарства»/отсталости, он срочно устраивает «революцию» в своей семье, выгоняет жену, мать двоих детей, ибо считает, что именно татарка-мусульманка организует его быт неаристократично. Герой совершает массу неразумных поступков, противоречащих привычному, основанному на национальных ценностях кодексу жизни: из собственного мусульманского имени «раскраивает» вполне, на его взгляд, европейскую форму обращения — Жан Баевич; основательно меняет друзей: к нему сейчас «на прием» ходят «спортинструкторы», «издатели книг», «музыканты», берет в жены некую «графиню», которая в финале окажется обыкновенной воровкой; переустраивает образ жизни: выделяет время для «обдумываний великих дум», держит «камердинера», носит европейскую одежду, курит, пьет вино, тратит деньги на увеселения. Воспользовавшись его невежеством, разные аферисты легко обводят его вокруг пальца. Вчерашний торговец, докатившийся до нищеты, совершает покаяние и возвращается к своему прежнему образу жизни, свойственному его нации. Примечательна деталь в финале комедии, на которую мало внимания обращают исследователи творчества Исхаки: Шакирджан, будучи сам отцом и главой семейства, как в детстве, страшится своего отца, который, узнав о «безумствах» сына, первым делом угрожающе спрашивает, сменил ли тот при всем этом «аттракционе» веру. Только услышав от сына фразу, подтверждающую его принадлежность к исламу (таухид), отец облегченно вздыхает. Тем самым Г. Исхаки дает понять, что мусульманская идентичность остается доминирующей даже в условиях городской жизни в начале XX в.

Тенденция к сближению татар с русской культурой, действительно, наметилась в этот период в городском обществе, но ее параметры и глубина не были строго разграничены, что отчасти привело к появлению прослойки, увлеченной поверхностной, показушной «европеизацией». Комические типы «татарского варианта» аляфранга в виде «любителей прогресса» («тәрәккый пәрвәр») были воссозданы Г. Камалом («Первый театр», «Тайны нашего города»), Г. Рахимом («Юбилей», «Белый чирбик»), Ф. Амирханом («Праздники») и др. Появившиеся в городах татарские театры, литературные клубы, различные общества взаимопомощи стали

своеобразным индикатором, через отношение к которым можно было определить, приверженцем какого лагеря является тот или иной персонаж. Поэтому было разумное зерно и в выступлениях консерваторов, которые высказывали опасения о негативных последствиях этого сближения. Да и тенденция сама по себе никак не могла стать определяющей в процессе новой идентификации татар, ибо кризис не был преодолен внутри самого татарского общества в связи с неразрешенностью исхода схваток кадимистов и джадидистов, сторонников «старого» и «нового». Половинчатость процесса модернизации и частичная «европеизация» татарского мусульманского общества породили особый тип людей, которые оказались между двух огней: между восточными и западными культурными ценностями, а в итоге не стали ни европейцами, ни азиатами. Гаяз Исхаки в повести «Жизнь ли это?» создает как раз такой тип представителя промежуточного общества, не сумевшего полностью оторваться от мусульманского Востока и не дотянувшегося до культуры Запада. Сын муллы, который сначала освоил исламские науки, затем приобщился к русской и европейской культуре, мечтал стать реформатором-ислахистом, посвятить себя служению народу. Но, оказавшись не в состоянии преодолеть жизненные обстоятельства, он стал заурядным муллой. Автор показывает мучительную рефлексию героя, потерявшего смысл жизни и задающего себе вопрос: «Жизнь ли это?» [2].

Ф. Амирхан создал целую галерею таких героев, которых литературные критики называли «людьми на перепутье» по названию его романа «На перепутье» (1912). Страстное желание улучшить жизнь себе и народу, с одной стороны, и боязнь потерять свою самобытность, интегрируясь в русское общество — с другой, приводили к мучительным поискам путей выхода из сложной ситуации героев Амирхана в романе «На перепутье» и в пьесе «Молодежь» (1913). Двойственность мыслей и действий в вопросе идентичности прекрасно описана в психологическом состоянии главной героини повести Амирхана «Хаят» (1911). Представительница мусульманской культуры и соответствующего уклада жизни, Хаят из-за службы отца живет в русском квартале города, свободно общается с русской молодежью, но как только она влюбляется в студента Михаила, приходят в движение защитные ресурсы воспитания, заложенные с детства стереотипы, сигнализирующие о серьезных культурных и религиозных различиях с русскими. В финале девушка «внушает» самой себе «любовь» к незнако-

мому татарину в тюбетейке, чью фотографию мать тайно передает дочери после ухода сватов...

Одним из проявлений того влияния, которое западная культура оказала на литературы народов Востока, принято считать зарождение совершенно нового для них жанра — романа. Перенимая западные литературные формы, восточные писатели вкладывали в новую прозу собственную философию или адаптировали прогрессивные европейские идеи в привычные для мусульманского мировоззрения формы. Так произошло и с романом, он на Востоке стал западным по форме, но арабским, японским, китайским или тюркским по содержанию. Занимательным представляется обзор в таком ракурсе турецкой и татарской просветительской прозы, где отчетливо отражалась встреча Востока с Западом, Азии с Европой и происходило сближение мусульманского и христианского миров.

Турецкие литературоведы (Ж. Парла, Н. Гюрбилек, Б. Моран и др.) образно сравнили роман периода Танзимат с женитьбой восточного мужчины на европейской женщине. Как утверждают эти исследователи, при всем том, что турецкая литература была вынуждена признать свою ущербность перед европейской культурой и осознать необходимость усвоения новшеств, она все же не потеряла свою естественность — мужественный зрелый голос, и с неподдельным интересом разглядывала прелестную незнакомку — литературу Запада. Будущее данного союза, разумеется, обещало с самого начала быть неравным, однако «восточный мужчина» — писатель, потерявший свою былую силу и славу Османской империи, невозмутимо оставался гордым за прошлое своей страны и без особого комплекса перед «продвинутой европейкой» возжелал обладать ею. То есть, каким бы образом ни происходило увлечение Западом в турецком обществе, оно было похоже на увлечение восточного мужчины европейской женщиной, за тем исключением, что при этом «флирте» так называемая мужская гегемония как-то должна была сохраняться. В турецком варианте «восточный мужчина» — полный сил и активный османец, она — прелестная целомудренная европейка, ждущая завоевателя своего сердца. Как и принято на Востоке, рядом с мусульманином должна быть красивая и умная женщина, но доминировать в отношениях будет именно он.

Анализируя эти отношения через призму связей мужчины и женщины, авторы первых романов и повестей обратили внимание непосред-

ственно и на любовные, деловые, семейные отношения двух половин человечества и создали совершенно неожиданные женские образы, которые представлены «чужими», т. е. иностранками или немусульманками из национальных меньшинств, тогда как о раскрепощении собственно мусульманки авторы только-только начинали задумываться, хотя это уже было неизбежным требованием времени. Самая большая разница, даже можно сказать противоречие, между восточным и европейским обществами, по мнению ученых, выражалась в различии в социальном статусе женщины, поэтому кто бы ни касался проблемы вестернизации, прежде всего сталкивался с вопросом освобождения женщины Востока.

Одним из первых, кто познакомил турецкого читателя с иностранкой, был Ахмед Мидхат-эфенди, который впоследствии стал и наставником первых турецких писательниц: Фатмы Алиие-ханум, Халиде Эдиб и др. Амплуа европейской женщины в творчестве А. Мидхата предстало в образе обладательницы современных светских знаний, умной и эрудированной молодой женщины, которая в буквальном смысле слова становилась путеводителем по западной цивилизации для главного героя романа. Жанр путевых заметок представлялся ему наиболее удобной формой художественного изложения необходимых для развития знаний читателя. Данный прием автора наиболее примечателен в романе «Чудеса света» (1881–1882) и сочинении «Путешествие по Европе» (1890). Под влиянием творчества А. Мидхата в татарской литературе появились произведения, несущие нагрузку научно-приключенческого романа, основанного на знаниях по истории и географии: «Письма из Френгистана» (1887) Исмаила Гаспринского (1851–1914), «Селима, или целомудрие» (1898) Ризы Фахретдина и др. Сюжеты этих произведений по своей структуре достаточно просты: жаждущий познать новые страны интеллигентный герой совершает путешествие, во время которого случайно знакомится с иностранкой — хорошо образованной, воспитанной девушкой с изысканным вкусом, которая сопровождает мужчину до места назначения. Таким образом, первая форма взаимоотношений восточного мужчины и европейской женщины в турецкой и татарской литературах отразилась в паре **просвещаемого** (молодого человека) **и просветительницы**: это Субхи-бей и мисс Хафт в романе «Чудеса света», Молла Аббас и Жозефина в «Письмах из Френгистана», выпускник казанского медресе и Селима в повести Р. Фахретдина. Все три героини молоды и

привлекательны, но писатели, как бы стремясь освободиться тем самым от традиционного взгляда на женщину, осторожно обходят тему сексуальности героини, порой открыто утверждая, что это, мол, не что иное, как «благородные отношения бескорыстной дружбы» (И. Гаспринский).

Иностранки зачастую представлены одетыми в мусульманском стиле: «Это была девушка, плотно закрытая с шейки до кончиков ног черным богатым платьем. В сравнении с другими сотнями полураздетых женщин, оглядывая коих, я беспрестанно повторял священные слова против искушения, она казалась стыдливой, скромной, как мусульманка» (цит. по: [3]), — так описывает французенку Жозефину главный герой романа И. Гаспринского. Эти женщины — мудрые назидательницы, наставницы, которые решили посвятить себя большим целям, чем создание семьи и служение мужу.

Одной из центральных тем путешественников становится дискуссия о женщине и женственности, в них героини часто отдают предпочтение мужскому складу ума, нежели женской чувственности. Например, мисс Хафт приходит в восторг, когда видит в России портрет императрицы Екатерины II в мужском костюме. По ее мнению, Екатерина не только одеянием, но и всей своей сущностью, характером, умом похожа на мужчин. Идеализируя императрицу, мисс Хафт находит между ней и собой что-то общее: их обеих не интересуют женские украшения и одежда, а влечет любовь к науке и прогрессу.

Благодаря преимуществу в знаниях и воспитании, чужестранки в этих произведениях имеют роль ведущего, и мужчина как бы признает авторитет европейской женщины над собой. Мисс Хафт, например, чувствует себя госпожой и хозяйкой положения, поэтому неудивительно, что она первая по-деловому делает Субхи-бею предложение о браке; в повести Р. Фахреддина молодым идею о женитьбе подсказывает мать Селимы. А у И. Гаспринского лишь благодаря самоотверженности Маргариты Молла Аббас избегает смертной казни. Выходя замуж, девушки руководствуются не только чувствами, но и дружбой, общностью взглядов с главными героями. Авторы наделяют своих героинь идеальным характером, восхищаются спокойствием, уравновешенностью, самообладанием, уверенностью в себе, умом и духовностью этих женщин. Герой И. Гаспринского, например, признается, что «никто бы не убедил меня, что френкские женщины обладают таким же нежным, любящим сердцем, как наши мусульманки».

Перечисленные выше произведения были основаны на вымышленных сюжетах, а образ иностранки представлял собой прежде всего идеал просвещенной, эмансипированной женщины. «Путешествие по Европе» А. Мидхата стоит особняком среди них, ибо, являясь автобиографичным произведением, оно ощутимо приближает вымышленный идеал женщины к реалиям своего времени. В 1889 г. на VIII Конгрессе востоковедов в Стокгольме А. Мидхат познакомился с женщиной из России, которая «кроме родного русского, владела также французским, немецким, английским, османским, арабским и персидским языками; вместе с тем она обладала великолепными способностями играть на пианино и рисовать». Ею оказалась известная переводчица и востоковед Ольга Сергеевна Лебедева (1854 — после 1909). Поскольку заключительные заседания конгресса были перенесены в город Осло, Ахмед Мидхат предложил Гюльнар-ханум, так ее звали в Турции, составить ему компанию в ознакомительной поездке по европейским столицам. Главной темой разговоров во время поездки стало сравнение Востока и Запада: обсуждались основные сходства и различия, особенно заметные в области этики, культуры и религии. В дальнейшем дружба между ними продолжилась в виде переписки [4]. Так на примере реальной личности А. Мидхат доказал жизнеспособность образа идеальной женщины, имеющей свой статус и достойное место в обществе.

Первые романы представляли европейку прежде всего другом, соратником и наставником восточного мужчины, а писатели умышленно не затрагивали аспекты женственности и темперамента героинь. Однако вскоре такой образ асексуальной европейской женщины наскучил читателю, и на смену ему пришли произведения с любовными сюжетными линиями. Тот же А. Мидхат вывел в качестве отдельной темы любовные отношения между **мусульманином и немусульманкой**: это Хасан и Джузелла («Хасан Меллах»), Сулейман и Мария («Сулейман Мусули»), Каплан-бей и Катерина («Кавказ»), Рустем-бей и Эфtimi («Албанцы-солийоты»), Реджеп Косо и Филомен («Доброволец»), Нахифи и Розетте («Месаили муглака») и др. Обычно в финале девушка выходит замуж за возлюбленного и принимает ислам.

Если в турецком варианте немусульманки безболезненно ассимилировались и растворялись среди правоверных, вливаясь в османскую действительность, то в татарской литературе начала XX в. женитьба вос-

питанного на патриархальных традициях татарина на немусульманке, т. е. русской девушке, описана довольно редко. Этот деликатный вопрос затронул Г. Исхаки в двух своих рассказах: «Он еще колеблется» (1914) и «Он еще не был женат» (1916). В отличие от героинь А. Мидхата, которые знают и любят Восток порой лучше самих турок, питают огромный интерес к восточной культуре, русские женщины Г. Исхаки не проявляют особого внимания к татарским национальным и религиозным традициям, скорее, наоборот, невольно ведут мужчину к обрусению. Европеизация у татар отождествлялась с жизнью в больших городах, где татары сосуществовали вместе с русским населением, где была возможность ознакомиться с жизнью русских и приобщиться к так называемой культурной жизни. В объятия русских девушек мусульманских мужчин, пытавшихся закрепиться в городской среде, толкали в тот период не столько поиск приключений, сколько экономические трудности. Добавлялось и некоторое разочарование в патриархальных традициях своего общества: 32-летний Хамит в рассказе «Он еще колеблется», наконец, накопив необходимые для женитьбы деньги, по совету друзей сватается на «образованной», как он искал, городской девушке Нафисе. Однако он был вскоре разочарован, ибо татарочка совсем не соответствовала тому образу женщины в мечтах Хамита, который сформировался под влиянием его русской знакомой Мари Ивановны.

Герой другого рассказа Г. Исхаки «Он еще не был женат», приказчик Шамсетдин, сожительствует с русской вдовой Анной, при этом считает себя не женатым, поскольку им не была прочитана мусульманская молитва-никах, и в глубине души мечтает найти себе татарскую жену. Жизнь идет своим чередом, у Шамседина с Анной рождаются дети, и пока отец мечтал вырастить дочерей в исламских традициях, мать уже тайком от него крестила их в церкви. Шамседину трудно определиться с выбором: для него, деревенского парня, Анна Васильевна является символом городской, т. е. более высокой, культуры: она умна и хороша собой, аккуратна, талантлива, разбирается в искусстве, и самое главное, очень внимательна к нему. Психологический конфликт, происходящий в сознании Шамси из-за желания жениться на «своей», но очень похожей на русскую женщину Анну, свидетельствует о назревшей необходимости реформ в татарском обществе в сфере образования и воспитания девушек.

В турецком обществе европейская женщина входила в дом восточного мужчины постепенно: сначала в роли воспитательницы его детей, впоследствии — в качестве члена семьи. Аристократичные дома турецкого общества конца XIX в. ввели новую моду приглашать для своих детей **гувернанток** из Европы. Мадам или мадмуазель, которая нанималась на работу по воспитанию и образованию ребенка, называли *мюреббийе* или на французский лад *enstitutris*. С целью создания для ребенка атмосферы углубления в европейскую языковую среду обычно гувернантки оставались в домах своих воспитанников и, кроме иностранного языка, преподавали музыку, живопись, рукоделие и с течением времени воспринимались как члены семьи. В турецкой литературе созданы яркие типажи гувернанток, как положительных, так и отрицательных [5]: в романе А. Мидхата «Эфлятун-бей и Ракым-эфенди» присутствует образ француженки-преподавателя музыки мадам Жозефины, которая стала для хозяина дома больше чем другом; в романе Х.З. Ушаклыгиля «Запретная любовь» (1900) добропорядочная мадмуазель Де Кюртон является второй матерью для своих воспитанников; отрицательную характеристику имеют героини в романах Сезаи Шамипашазаде «Приключение» (1888), Х.Р. Гюрпынара «Гувернантка» (1897) и др.

Постепенный отход высшего света от традиционных семейных устоев подтверждается и частым использованием в турецком романе образа *метрессы* — **любовницы** европейского происхождения. Иметь любовницу, говорящую на французском, стало одним из непреложных аксессуаров новоявленного аляфранга — это открыто высмеивается в романах Х.Р. Гюрпынара «Шик» и «Шыпсевди». А его роман «Метрес» (1899) являет вершину сарказма по отношению к такого рода связям: француженка по имени Парнас умудряется стать любовницей сразу трех благородных, знакомых между собой, мужчин.

Несмотря на то что повального увлечения доступными девушками среди татар не наблюдалось, такие случаи, однако, имели место. Шакир Мухамедов (1865–1923), например, с иронией описывает «любовь» сына казанского купца Ахметсафы к шансоньетке Маргарите в повести «Под листком, или Макарьевская ярмарка» (1901).

Процесс развития литературы путем обращения к образам западных произведений продолжался, и в тюркских литературах реализм постепенно

накапливал силы: появились качественные изменения, помогающие преодолеть черты непоследовательности, присущие просветительскому направлению. Со временем в литературе утвердилось мнение, что женщина должна изображаться не как красивая куколка в руках аляфранга, не как причина всех семейных неурядиц, а как дочь своего народа в качестве носителя лучших черт национального характера, как надежный и верный спутник мужчины.

Список литературы

- 1 Витол А.В. Османская империя (начало XVIII в.). М.: Наука, 1987. С. 136.
- 2 Ганиева Р.К. Исхаки Гаяз // Татарская энциклопедия. Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: ИТЭ АН РТ, 2005. Т. 2. С. 629.
- 3 Гаспринский Исмаил. Французские письма. Симферополь: Изд-во «Доля», 2009. URL: <http://www.kitaphane.crimea.ua/ru/roman-«frantsuzskie-pisma».html> (дата обращения: 12.01.2017).
- 4 Олджай Тюркан. Ольга Сергеевна Лебедева и ее вклад в русско-турецкие литературные связи. URL: http://psyjournals.ru/files/32866/philology_2010_1_Oldzhay.pdf (дата обращения: 12.01.2017)
- 5 Ceran Dilek. Mürebbiyelik Ve Türk Romanında Bazi Mürebbiye Tipleri. URL: <http://www.turkiyat.selcuk.edu.tr/pdfdergi/s12/ceran.pdf> (дата обращения: 12.01.2017).

References

- 1 Vitol A.V. *Osmanskaja imperija (nachalo XVIII v.)* [The Ottoman Empire (beginning of the 18th century)]. Moscow, Nauka Publ., 1987, p. 136. (In Russ.)
- 2 Ganieva P.K. *Ishaki Gajaz . Tatarskaja jenciklopedija* [Tatar encyclopedia], ed. M.H. Hasanov. Kazan, 2005, vol. 2, p. 629. (In Russ.)
- 3 Gasprinskij Ismail. *Francuzskie pis'ma* [French letters]. Simferopol', "Dolja" Publ., 2009. Available at: <http://www.kitaphane.crimea.ua/ru/roman-«frantsuzskie-pisma».html> (Accessed 12 January 2017). (In Russ.)
- 4 Oldzhaj Tjurkan. *Ol'ga Sergeevna Lebedeva i ee vklad v russko-tureckie literaturnye svjazi* [Olga Lebedeva and her contribution to the Russian–Turkish literary ties] Available at: http://psyjournals.ru/files/32866/philology_2010_1_Oldzhay.pdf (Accessed 12 January 2017). (In Russ.)
- 5 Ceran Dilek. *Mürebbiyelik Ve Türk Romanında Bazi Mürebbiye Tipleri*. Available at: <http://www.turkiyat.selcuk.edu.tr/pdfdergi/s12/ceran.pdf> (Accessed 12 January 2017). (In Turkish)